

ИТАЛИЙСКИЙ VICUS

Деревня представляется основным типом поселения чисто сельских жителей, которые, по современным воззрениям, были объединены во внегородские крестьянские общины¹ и в качестве мелких производителей вместе с мелкими землевладельцами, жившими в городах, составляли самостоятельный, принципиально важный класс античных обществ. Результаты анализа численности населения Италии по римским цензам в сопоставлении с плотностью и численностью населения городов позволяют считать, что доля внегородского населения была весьма значительной (не менее трети или половины)². Самой надежной основой для решения вопроса о времени и формах возникновения деревень должны были бы стать результаты массовых археологических раскопок деревень и городских центров тех *civitates*, на территории которых они находились. К сожалению, раскопки пока не проводились в таких масштабах. Отчасти это, вероятно, обусловлено тем, что в зарубежной литературе на фоне признания слабой исследованности истории крестьянства в древности продолжают раздаваться вопросы, стоит ли всерьез приниматься за его изучение, даст ли их исследование результаты, достойные того огромного труда, которого требует состояние источников³.

¹ Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1979. Глава «Внегородская крестьянская община».

² Материалы кандидатской диссертации автора «Муниципальное землевладение в Италии в I в. н. э.» (М., 1979). В литературе высказывались предположения, что крестьяне составляли большинство античного населения, допускалось, что в I в. в Италии и провинциях их было 70—75%, — MacMullen R. Peasants during the Principate. — *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, II, Principat, B. I. B., 1974, S. 253.

³ MacMullen. Op. cit., p. 261. Территория многих сел и отдельные объекты часто не исследовались систематически, материалы не всегда должным образом учитывались.

Поэтому можно только в общей форме поставить вопрос: всегда ли правомерно относить время возникновения деревень, известных на рубеже н. э., только к периоду образования ближайших к ним городских центров *civitates*? В эпоху империи есть примеры фактического роста сел, превращения крупных сел в города и получения ими городского статуса⁴. Одной из отличительных особенностей сел по сравнению с городами римляне считали их неукрепленность (*Isid., Etymol. XV, 2: tantum sine muris, est autem sine munitione murgorum*). Можно ожидать, что археологически период существования небольших неукрепленных поселений, прототипов сел римской эпохи, в Италии будет предшествовать времени их превращения в городские центры, известные для этой эпохи. Однако археологические культуры доримской Италии, носители которых являлись предками жителей ее исторических областей римского времени, дают более сложную картину. В ряде случаев типичными местами их обитания были укрепления, восходящие к очень раннему времени. Не могли ли городские центры формироваться именно из этих поселений, а некоторые деревни явиться продуктом формирующейся и сформировавшейся *civitas*?

Внегородское население было типично в Италии для всех этапов истории Римского государства. Уже по данным первых римских переписей начала V в. до н. э. было порядка 150 тыс. римских граждан, что предполагает общее население, включая женщин и детей, по крайней мере в три раза больше. Какая-то часть граждан жила вне Рима в первых пяти колониях, основанных в VI в. до н. э., но их общее население вряд ли было значительным. Площадь Рима внутри стен Сервия была менее 500 га. Это даже по критериям плотности городского населения, применяемым для развитых античных городов (в среднем 300 чел./га), где часть домов имела более одного этажа, допускало постоянное жительство там только 150 тыс. чел., из которых не более 50 тыс. могли быть взрослыми гражданами, даже если бы вообще отсутствовали рабы и иностранцы. Значительно более высокая цифра плотности населения позднереспубликанского и императорского Рима к этой эпохе явно неприложима. Поэтому сведения о числе граждан в сопоставлении с площадью раннего Рима говорят в пользу существования заметной доли внегородского населения среди граждан, согласуясь с преданиями о сельских трибах.

В повествовании Ливия об эпохе Ранней республики нередко упоминается чисто сельское население, и можно думать, что оно жило именно в деревнях, хотя сам термин *vicus* употребляется не всегда. В 402 г. до н. э. защитники одного из городов допустили оплошность, позволив войнам разойтись для торговли по соседним городам и в сельскую местность (*per agros vicinasque urbes* — Liv., V, 8). В 303 г. до н. э. римские разведчики, опасаясь засады, обратили внимание на то, свойственны ли речь и поведение пастухов городским или сельским жителям (*agresti an urbano proprio* — Liv., X, 4). В этом же месте Ливий упоминает о развалинах деревни (*ab ruinis vici; tecta semirutata vici*). В 217 г. до н. э. перед при-

публиковались и хранились; например, в конце XIX в. был раскопан *vicus Augustanorum* недалеко от Остии, но результаты раскопок не были опубликованы — *Meiggs R. Roman Ostia. Oxf., 1960, p. 79*. Пожалуй, одной из наиболее интенсивно исследуемых археологами областей существования сел является территория Бельгии. Однако этот материал вряд ли можно привлекать для аналогий с Италией, поскольку он относится преимущественно к периоду накануне урбанизации и при ее начале. Библиографию публикаций о раскопках сел в пределах Римской империи см. *Chevallier R. Cité et territoire. Solutions romaines aux problèmes de l'organisation de l'espace. Problematique 1948—1973.* — In: *Aufstieg...*

⁴ *Daicovicu H. L'urbanisation antique dans l'actuel territoire romain.* — 3e congrès international d'études du Sud-Est Européen, Bucarest, 4 septembre 1974. *Le processus d'urbanisation de l'espace balkanique jusqu'à la fin de l'antiquité*, p. 33; *Wells C. M. The German Policy of Augustus. An Examination of the Archaeological Evidence.* Oxf., 1972, p. 39; *Schleiermacher W. Civitas und vicus Provincialia.* — *Festschrift für R. Laur-Belart.* Basel — Stuttgart, 1969.

ближением Ганнибала Фабий приказал жителям неукрепленных поселений и тем, кто обитал в полях, сжечь свои жилища и собраться в укрепленных городах (*oppida castellaque immunita... ex agris quoque demigrant omnes — Liv., XXII, 11*). В священных обрядах после битвы при Тразименском озере приняли участие не только «горожане с женами и детьми, но и сельское население» (*non urbana multitudo tantum, sed agrestium etiam — Liv., XXII, 10*). В 213 г. до н. э. «нищета и страх загнали в город с необработанных из-за продолжительной войны и подверженных неприятельским нападением полей плебс» (*rustica plebs ex incultis diutino bello infestisque agris egestate et metu in urbem compulsus — Liv., XXV, 4*). Впоследствии сенат поручил консулам позаботиться о том, чтобы плеbei возвратились на поля, так как война уже удалась от Рима и Лация и там можно было жить безбоязненно (*Liv., XXXVIII, 11*). В 193 г. до н. э. во время военных действий в Лигурии была подожжена деревня (*proprio deinde vico inferunt ignem*) и пожар вызвал испуганные крики в соседних деревнях (*clamor trepidantium in vicis auditus*). Начальник нумидийских всадников спросил, где больше деревень, чтобы совершить на них налет (*utra pars frequentior vicis esset, in eos se impetum facturum — Liv., XXXV, 11*).

Из этих источников можно заключить о существовании чисто сельского свободного населения, которое римляне явно противопоставляли городскому. Упоминания Ливия не могут относиться только к мелким землевладельцам, выезжающим на свои участки, он говорит о постоянно живущих вне города, имеющих сельские манеры, чье присутствие в городе необычно и не устраивает горожан и государство, если длится долго. Такие люди могли жить и в отдельных хуторах, но значительная часть их, вероятно, в селах. Эти сообщения об эпохе Ранней республики указывают на значительную долю сельского населения. По-видимому, она должна была быть не меньше, чем на рубеже н. э., в противном случае надо признать опережающий рост сельского населения по сравнению с городским. Хотя в старый тезис о том, что мелкое землевладение будто бы потеряло всякую роль, уже внесены поправки⁵, все же определенное уменьшение его должно было происходить параллельно концентрации землевладения. Во всяком случае последний факт если сам по себе не говорит о сокращении сельского населения, например, попадавшего в зависимость, то не говорит и о его росте. Методика анализа городского и внегородского населения учитывает неизвестную пропорцию рабов. Но можно ли предположить, что в Италию в I в. до н. э. за несколько десятилетий было ввезено свыше миллиона рабов, подавляющая часть которых использовалась на сельских работах? Только это могло бы сохранить общую долю сельского населения за счет роста его несвободной части при заметном сокращении числа мелких производителей.

Противопоставление городского и сельского населения сохранялось начиная со времени Ранней республики до Поздней империи, когда Вегетий (I,3) в подробном рассуждении сравнивал, какой новобранец лучше, отдавая безусловное предпочтение сельскому жителю, воспитанному в труде, под открытым небом, закаленному в непогоде, довольствующемуся малым, чуждому бань, роскоши, простодушному, привыкшему носить тяжести и копать землю, знающему меньше радостей в жизни и поэтому меньше боящемуся смерти. О стабильности сельского населения говорит и длительное существование отдельных деревень, исследованных археологами. В *Sevinius vicus*, существовавшем как развитое поселение в I в. до н. э., название которого может восходить к названию доримской племенной группы, многие находки датируются I—V вв., ряд погребений—

⁵ См. Кузищин В. И. Крестьянское хозяйство Рима как экономический тип. — ВДИ, 1973, № 1; *он же*. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.

III—IV вв.⁶ По монетам и погребениям установлено, что *vicus* в районе Локарно существовал с III в. до н. э. по IV в. н. э.⁷

О внутренней жизни деревень наиболее подробный материал дает эпиграфика, сведения которой неоднократно плодотворно анализировались. На их основании Е. М. Штаерман объединяет паги и села в качестве носителей внегородской крестьянской общины⁸. Действительно, признаки этой общины для пагов и сел в наших источниках одинаковы, но нельзя ли попытаться провести между ними более четкую границу, например, определить, где, в пагах или в селах, вероятно наибольшая интенсивность разложения общины? Представляется, что наиболее устойчивой она была именно в селах, так как при реконструкции их организации неприменимы оговорки о процессах, возможно происходивших в пагах.

Среди критериев, позволяющих говорить о существовании общины, Е. М. Штаерман называет функционирование должностных лиц пагов, отправление общих культов, проведение совместных работ, законы, постановления и уставы пагов, собрания, факты получения пагами в целом даров, действия с позволения и по постановлению пагов, сообщения о которых допускают распределение пагами повинностей и освобождение от них, выделение земли под общественные постройки. О разложении общины говорит вероятная возможность применения к общинникам правила, по которому нельзя обязать кого-либо не продавать имущества против воли соседа⁹, и неспособность пага воспрепятствовать покупке земли, совершенной не членом общины¹⁰, тем более что италийские города в конце Республики и в эпоху Империи вряд ли ограничивали куплю-продажу земли в своих окрестностях, о чем говорят типичные случаи разбросанной земельной собственности. Отмечается активная роль посторонних лиц в жизни пага, когда богатые люди, не принадлежащие к общинам, находились с ними в тесной связи, происходил разрушавший общину переход земли в их руки и паг превращался в территориальное подразделение¹¹, что особенно ощущалось в наиболее близких к городам пагах.

Возможно, одновременно и даже по соседству в пределах одной *civitas* в одних пагах преобладала внегородская община, а роль других сводилась к административно-территориальной ячейке. Есть ли уверенность, что все упоминаемые в надписях общественные угодья преемственно восходили к древней общине? Вероятно, и ветераны-колонисты, получавшие мелкие участки земли и становившиеся крестьянами, могли образовывать паг, называться *pagani*, как в Помпеях¹², и иметь общие пастбища (*compascua*), отведенные землемерами при основании колонии (*Festus*, 35 L — *compascuus ager*). Всегда ли упоминаемые в надписях *communiopes* применительно к земле означали что-то принципиально иное? Источники предполагают, что вся сельская территория города, как правило, делилась на паги, а это значит, что каждое имение находилось в том или ином паге и, следовательно, основная территория пага, в отличие от деревни, обычно принадлежала не его сельским жителям, а землевладельцам города, собственникам имений¹³. Об этом говорит формула ценза

⁶ *Lombardia Romana*. V. 2. Milano, 1939, p. 74—95.

⁷ *Ibid.*, p. 300.

⁸ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., 1961; *она же.* Еще раз к вопросу о римской сельской общине. — ВДИ, 1978, № 2; *она же.* Древний Рим...

⁹ *Она же.* Древний Рим..., с. 42.

¹⁰ Там же, с. 32.

¹¹ Там же.

¹² *Ciprotti P.* *Conoscere Pompei*. Roma, 1959, p. 7.

¹³ Известны случаи, когда в деревнях земельные участки принадлежали посторонним лицам, не членам их общины (*Штаерман.* Древний Рим..., с. 32; *Sereni E.* *Comunità rurali nell'Italia antica*. Roma, 1955, p. 405).

(Dig. XV, 15, 4), официально требовавшая фиксировать название каждого поместья, *civitas* и *pag*, в котором оно находится, и имена двух ближайших соседей. В полном соответствии с ней составлены Велейская (CIL, XI, 1147) и Беневетская (Лигуров Бебианов) (CIL, IX, 1455) таблицы, а также надпись из Volcei (CIL, X, 407), где для всех имений, в том числе самых крупных и, вероятно, принадлежавших не гражданам данного города, указан *pag*. Состояние источников не позволяет показать это на многих примерах, и приходится удовлетвориться тем, что помимо названных городов есть еще и другие, в окрестностях которых известно хотя бы несколько *пагов*. Это три *пага* в Ноле (CIL, X, 1278—1280), пять *пагов* в Помпеях, которые считают как бы пригородами, но некоторые полагают, что они были внешними кварталами города или даже включались внутрь городских стен, как в Риме¹⁴. В остальных случаях надписи, как правило, сохранили название лишь одного из *пагов* и то далеко не для каждого города.

Поэтому можно ли отрицать явления кооперации, скажем, когда работы по использованию водного источника или очищению озера (CIL, IX, 2828) проводились не только или не столько силами чисто сельских жителей *пага*, но при участии собственников имений на его территории, ибо это было и в их интересах? Как определить, не из их ли взносов была собрана общественная казна (CIL, V, 6587; IX, 3183; X, 8093) для проведения подобных работ, среди которых могли быть и строительство или реставрация портиков (CIL, X, 3772) и святилищ? Иногда эти действия проводились силами или при материальной поддержке частных лиц, за что им выносилась благодарность. Некоторые собственники поместий могли бы, наверное, принять участие в коллективном посвящении богам и императорам. Упоминания о некоторых сельских коллективах в юридических документах Поздней империи уже предлагалось объяснять взаимопомощью владельцев вилл. По замечанию Е. М. Штаерман, применимому и к эпохе Ранней империи, вряд ли крупные землевладельцы нуждались в такой помощи¹⁵, но в ней могли нуждаться численно преобладавшие в I в. средние землевладельцы, типичные собственники мелких разбросанных имений, которым было бы не под силу или невыгодно проводить относительно крупные работы для улучшения каждого отдельного мелкого участка, если удобнее было объединиться с соседями. Сервий (*Ad Virg. Georg.*, 2, 282) даже определяет *pag* как группу вилл, расположенных около одного источника, и жителями *пага* называет тех, кого как бы объединяет этот источник (*Villas quae pagi ab eo tōn πγγόν appellantur, id est a fontibus, circa quos villae consuerant condi: unde et pagani dicti sunt, quasi ex uno fonte potantes*). Если руководствоваться буквально этим толкованием, то выражение *ad fines pagani pagi* из Велейской таблицы можно понимать не так, как оно традиционно интерпретируется, т. е. не как указание на земли чисто сельских жителей *пага* в отличие от имений горожан на его территории, а как упоминание границы *пага*, фиксировавшейся в эпоху империи наподобие границы сельской территории *civitas*: «но и *паги* часто заметно разграничиваются» (CAR, 129)¹⁶. Впрочем, вероятно, было бы неправомерно считать, что ко всякому владельцу неэкзмированного поместья можно применить термин *paganus* и что этот термин подразумевал только владельцев вилл. И. М. Гревс полагал, что вилла Горация находилась на территории *pagus Mandela*¹⁷, но можно ли назвать Горация *paganus*? Предполагаемая кооперация владельцев вилл, по всей видимости, отличалась от существовавшей рядом общинной. Представ-

¹⁴ Lugli G. Corsi di topografia dell'Italia antica. Roma, 1947, p. 66.

¹⁵ Штаерман. Древний Рим..., с. 23.

¹⁶ Сущность границы *пага*, выглядевшей таким образом в императорское время, вероятно, изменилась по сравнению с первоначальной; см. *Sereni*. Op. cit., p. 42, 337.

¹⁷ Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. Т. I. СПб., 1899, с. 123.

ляется, что намеком на подобную кооперацию служат и указания на какие-то «соседства» (*vicinae*), о которых высказано предположение об отождествлении их с общинной организацией на уровне пагов¹⁸.

Можно ли к компетенции некоторых должностных лиц пагов относить решение части вопросов, связанных не только с сельскими жителями пага, но и с имениями на его территории? Не могли ли законы пага касаться, скажем, правил пользования водным источником или колодцем, допустим, единственным в паге, особенно в связи с тем значением источника для жизни пага, на которое указывает Сервий? Если да, то, наверное, таким регламентам приходилось подчиняться и владельцам имений, не входившим в общину. Не с желанием ли независимости связано сооружение частным лицом акведука из источника в одном имении на свою виллу через многочисленные поместья и общественные дороги, для чего потребовалось особое разрешение (*CIL*, XI, 3003)? В случаях серьезных споров издавались императорские эдикты о водном режиме и наблюдение за их исполнением возлагалось на муниципальные власти (*CIL*, X, 4842). Одной из повинностей, о которых выносили постановления на собраниях пагов и за соблюдением которых следили магистры пагов, была забота о дорогах — к этим работам привлекались все землевладельцы, независимо от их отношения к общине. Агрименсоры говорят, что «проселочные дороги... проводятся по пагам, т. е. с помощью магистров пагов, которые обычно используют для их сооружения и поддержания в порядке труд землевладельцев (*operas a possessoribus*) или, как мы видим, каждому владельцу (*uni cuique possessori*) указывается определенное пространство для каждого поля, которое он на свои средства (*suīs impensis*) содержит как дорогу» (*CAR*, 110). Общественными дорогами вместе с находящимися на общественной земле (*Dig.* 48, 3) были и те, которые с незапамятных времен существовали на территории частных владений (*Dig.* 43, 79, 3), и наблюдать за ними, наверное, тоже приходилось частным лицам под контролем магистратов пагов. Не без участия магистратов могли проводиться и цензы. Известно, что по пагам вербовались рекруты¹⁹. Такие широкие полномочия лучше объясняют предоставление магистру пага почетного места в театре по декрету декурионов (*CIL*, X, 853), чем представление о нем как о сельском старосте замкнутой общины, в последнем случае и вольноотпущеннику было труднее занять эту должность (*CIL*, VI, 3242). Мы не знаем, как вступали в должность магистраты пагов, сразу после местных выборов или после утверждения в городе. В эпоху империи мало вероятно полная автономия пагов, и для римского правительства или высших чиновников на местах могло быть удобно осуществлять частичный контроль за имениями через каких-нибудь должностных лиц пагов, на территории которых они находились. В пользу этого наглядно свидетельствует довольно поздний источник, но, вероятно, он отражает давно сложившуюся практику. В указе Константина от 315 г. говорится о чиновниках, назначаемых в провинциях для взимания государственных податей, которые иногда забирают из имений в залог рабов и пахотных быков, из-за чего задерживается внесение податей. Далее оговаривается, что если какой-либо из этих чиновников, или префект пага (об этой должности см. ниже), или декурион будет уличен в таком поступке, то он должен быть наказан (*Cod. Theod.* II, 30, 1). Новым здесь является только введение наказания, а существование магистров пагов и их полномочия могут быть справедливы для Ранней империи.

Иными словами, нельзя ли продолжить идею, высказанную Жюллианом о значении введенного Августом административного деления Италии на 11 областей? Жюллиан писал, что во времена республики муниципии подчинялись сенату и магистратам в Риме, а возникшие после этой рефор-

¹⁸ Штаерман. Древний Рим..., с. 24.

¹⁹ Там же.

мы новые административные единицы, большие, чем муниципальные территории, заняли посредническое положение между римским правительством и муниципиями, делами в которых ведали чиновники, назначаемые в новых округах²⁰. Распространение такого взгляда на некоторые паги согласуется с реорганизацией или переименованием старых и образованием новых пагов с началом эпохи империи. Мнение о том, что это происходило, иногда высказывается не только по отношению к пагам, позднее название которых очевидно (*Augustus Felix Suburbanus* в Помпеях)²¹, но и по отношению к тем, названия которых традиционно считаются древними. Например, предполагается, что названия велейских пагов, совпадающие с названиями лигурийских племен²², были даны римлянами²³.

Однако обычная универсальная формулировка муниципальных законов²⁴, направленных на упорядочивание внутренней жизни как будто во всех типах поселений (*oppidum, municipia, colonia, praefectura, forum, vicus, conciliabulum, castellum territoriumque qui sunt erunt*) упоминает даже деревни, но пагов почему-то не касается, Исидор же (*Etymol. XV, 2*) ставит паги на один уровень с кастеллами и селами. Вероятно, в Италии паги гораздо реже выступали в качестве самостоятельных поселений, которым адресованы муниципальные законы, являясь территориальной ячейкой *civitas*, а не подчиненным поселением на ее территории, как села. С одной стороны, такая формулировка будто бы призвана учесть случаи самостоятельного статуса сел, с другой, паги могут охватываться термином *territoriumque*.

Объединяя территориально, а возможно, и административно несколько деревень, как в Велейе²⁵, и многочисленные имения, они могли напоминать понятие «волость». В таком случае неудивительно, если административная организация пага окажется сложнее административной организации деревни, поскольку она была призвана выполнять более разно-сторонние задачи по отношению к большим группам людей. И действительно, бросается в глаза заметное разнообразие магистратур пагов по сравнению с редкими упоминаниями деревенских магистратур. Обилие магистратур засвидетельствовано далеко не для каждого пага, оно выявляется только при совокупном анализе надписей, но зато и надписи, дошедшие из каждого пага, слишком случайны (часто эпитафии) и позволяют считать, что об остальных магистратах этого пага сведений просто не сохранилось. В то же время число дошедших надписей о пагах и деревнях примерно одинаково, поэтому нельзя объяснять сравнительную скудость сведений о магистратах деревень только состоянием источников, она должна отражать существовавшие в римской действительности качественные различия между пагом и деревней.

Самым типичным магистратом пага был *magister*²⁶. Из других долж-

²⁰ *Jullian C.* Les transformations politiques de l'Italie sous les empereurs romains, 43 av. J.-C. — 330 ap. J.-C. P., 1884, p. 78.

²¹ CIL, X, 814, 853, 929, 1027, 1042, 1074.

²² *Bagienni, Statielli, Veleiates* — *Plin.*, N. h., III, 7.

²³ *Luraschi G.* Comum oppidum, Como, 1974. О доримском происхождении велейских пагов см. *Formentini U.* Per la storia preromana del pago (pagus Tularut). — *Studi Etruschi*, 3, 1929; исследование их названия см. *Studi Veleiati. Atti e memorie del 1 Convegno di studi storici e archeologici*, 1954. Piacenza, 1955, p. 98.

²⁴ *Tabula Heracleensis*. — CIL, 1, 119; *Fragmentum Atestinum*. — CIL, 1, 600; *Lex Mamilia Roscia*. — *Bruns. Fontes iuris romani antiqui*. L., 1909; *Lex Rubria*. — CIL, XI, 1146.

²⁵ О велейских пагах и деревнях см. *Федотов В. В.* Организация сельской территории италийских *civitas* по данным Велейской таблицы. — Вопросы аграрной истории древнего Рима. Чебоксары, 1977. Кроме Велейской таблицы в пользу этого говорит выражение *ex pago Liciero vico Navelis* (CIL, V, 7923) и посвящение гению пага от имени жителей деревни (CIL, XIII, 4679).

²⁶ CIL, V, 4148; VI, 3242; IX, 726, 3137 (архаическим шрифтом), 3138, 3521, 3783 (71 г. до н. э.), 5814; X, 853, 1042, 1074; XI, 3040 (4 г. до н. э.), 3196 (18 г. до н. э.); XII, 5370; XIII, 4316 (11 г.), 1670.

ностных лиц известны *ministri* помпейского пага (CIL, X, 924), куратор (CIL, V, 3449), *magnae flaminicae* (CIL, V, 3928), эдил декурион беневентского пага (CIL, IX, 1503), эдил (CIL, IX, 3312, 3316). Жители помпейского пага поставили надгробие дуумвиру квинквенналу августалу (CIL, X, 944). Можно думать, что он происходил из этого же пага и занимал свои должности именно в паге, но не исключено, что эти должности относились к Помпеям и он оказывал пагу покровительство. В Каструм Новум отмечен префект пага (CIL, IX, 5146). Издатель надписи подверг этот титул сомнению, а заодно и подлинность всей надписи, слишком громко звучит слово «префект» для пага, но в Галлии неоднократно встречаются надписи, в которых фигурирует префект пага (CIL, XII, 1307, 1376, 1708, 2346, 2538). Следует учитывать и многозначность латинских слов. Ведь «империй» — это не только высшая военная власть в Риме, но и власть должностного лица в маленьком муниципии или колонии (*Lex coloniae Genetivae Iuliae*, 125 — CIL, II, 5439; *Lex Rubriae*, 20), *res publica* не только государственное устройство Рима, но и административное устройство села (*Festus*, 502 L), префект, вопреки распространенному мнению, не только римский магистрат, посылаемый управлять городом, который в силу этого становился префектурой, но и чисто местная муниципальная должность, поскольку, по *Lex Salpensana*, 25 (CIL, II, 1963), местный магистрат, обладающий высшей властью, при своем долгом отсутствии должен оставить в качестве заместителя префекта из числа декурионов и конскриптов. Для галльских пагов отмечены префект Коллегии двадцати (CIL, XII, 1376), *sacerdos* (CIL, XII, 2561; XIII, 3149, 3150), фламий, он же дуумвир и квестор (CIL, XIII, 412).

Напротив, административное устройство села, особенно маленькой деревни, было несложным и соответствовало тем повседневным задачам, которые вставали перед его жителями. Считалось, что это обычно лишь группы жилищ (*vicus autem dictus ab ipsis tantum habitationibus*), где просто собирались их обитатели (*vulgaris hominum conventu incoluntur*) и где не было общественной организации, подобной городской (*nulla dignitate civitatis ornantur* — *Isid.*, *Etymol.* XV, 2). Это дает еще больше оснований считать, что сельские жители, упомянутые Ливием, по большей части жили деревнями. Феост, вероятно, проводит различие между крупными селами и мелкими деревнями, говоря, что одни имеют общественное устройство, органы власти, а другие — нет (*sed ex vicis partim habent rempublicam et ius dicitur, partim nihil eorum et tamen ibi nundinae aguntur negoti gerendi causa*). Здесь отмечается лишь вероятная разница между «усредненным» селом и пагом, не исключено, что какой-нибудь маленький глухой паг имел более простую организацию, чем крупное село, расположенное на перекрестке дорог, особенно если ему предстояло вскоре получить городской статус. Упоминаются совместные постановления жителей деревни (CIL, XII, 2449; XIII, 5233), что позволяет говорить о существовании общих собраний, возможной функцией которых мог быть выбор магистратов. Вероятно, обычным высшим должностным лицом, напоминающим старосту, являлся *magister vici* (CIL, V, 1829, 1830; XI, 6367; 6378). В частности, через него государство осуществляло контроль за выполнением наложенных на село повинностей²⁷. Но вряд ли он был единственным носителем власти после собрания, для античных и вообще древних коллективов это не характерно. В них, начиная с самых ранних стадий, обычно существует какой-то немногочисленный совещательный орган — совет, совет старейшин, герусия, сенат и подобные ему институты, находимые античными авторами в племенном мире. Для деревни таким органом могла быть Коллегия пятнадцати (CIL, X, 3764), т. е. попросту совет. Конечно, можно подумать, исходя из общепринятого значения термина *quindecimvir*, что надпись упоминает члена известной

²⁷ Штаерман. Древний Рим..., с. 45.

римской жреческой коллегии, тем более если человек был патроном, то в надписях часто указывались все его высокие титулы явно не сельского значения, как должность военного трибуна (CIL, X, 4833). Но вряд ли, раз такая коллегия была в Риме, совет Пятнадцати нигде больше нельзя было образовать. В самом Риме такие коллегии создавались и для распределения земель. Какая-то коллегия юношества известна в галльском селе (CIL, XIII, 6688), наконец, на чисто муниципальных коллегии Пятнадцати указывает биография Адриана, который «в своем родном городе был членом Коллегии пятнадцати, также в Адрии членом коллегии Пятнадцати, словно это был его второй родной город» (SHA, Adr., XIX, 1). Имея не только совместные культы, но и общественные культовые постройки, крестьяне должны были иметь и жрецов, поэтому вероятно, что местного значения была и должность жрицы коллегии фламиннов (CIL, X, 7406). Магистраты деревень, в отличие от пагов, вряд ли имели полномочия, распространявшиеся на кого-либо, кроме их жителей, членов их общины.

Хотя и не существует единого мнения о том, всегда ли села включались в сельскую территорию города или иногда могли рассматриваться самостоятельно²⁸, аргументы в пользу первого предположения слишком вески и позволяют считать его справедливым в подавляющем большинстве случаев и в первую очередь в Италии с ее большой плотностью распределения городов, когда территория города, окруженного обрабатываемыми полями, кончалась там, где начинались холмы, а обработкой соседней долины занимались жители следующей *civitas*, т. е. когда число городов зачастую определялось количеством долин²⁹. Возможно, самостоятельно рассматривались отдельные села в малоурбанизованных провинциях, крупные села накануне получения городского статуса. Считалось, что сама незначительность сел заставляла их приписываться к городам (*propter parvitione sui maioribus civitatibus adtribuntur* — Isid., Etymol. XV, 2). По мнению римских юристов, подразумевается, что рожденный в деревне имеет родину (*eam patriam intellegitur habere*), соответствующую принадлежности его деревни (*cui rei publicae vicus ille respondet* — Dig. 50, 130). Вероятно, *res publica* здесь в первую очередь означает *civitas*. Об этом свидетельствуют Велейская таблица и другие надписи³⁰. Поэтому и Дион Хрисостом не искажил действительность, заявив, что, хотя крестьяне только раз или два за всю жизнь побывали в ближайшем городе, они все же считаются его гражданами (Orat. VII, 21; 49), так как искони живут на его территории. Если для типичных случаев редкость посещения города кажется преувеличенной, то само рельефное противопоставление чисто сельских и городских жителей неплохо согласуется со сведениями Ливия и Вегеция и наваяно действительностью.

Включение в состав *civitas* и нахождение на ее территории еще не означало абсолютного контроля за деревней со стороны *civitas*. В надписи из Атепы село оставлено по завещанию (CIL, X, 3750), причем оговаривается, что если его захотят продать, то это должно произойти с ведома города. Оговорка в завещании делается по воле завещателя, означает какое-то дополнительное условие, в данном случае сохраняется право контроля города над селом, но, если бы такой оговорки не было, новый владелец мог бы продать село и не ставя в известность город, возможно, как и имение человеку, не являющемуся гражданином этого города. Неизвестна и степень ограничения прав хозяина при его жизни, до вступления в силу завещания, особенно если у него было несколько сел, а здесь

²⁸ Штаерман Е. М. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи. — ВДИ, 1952, № 2, с. 102.

²⁹ Chilver G. E. F. Cisalpine Gaul. Social and Economic History from 49 BC to the death of Traian. Oxf., 1941, p. 50.

³⁰ mil. coh. cives Undicensis vico Adatapara (CIL, VI, 32582); mil. coh. pr. natus reg. Serdica vico Magari (CIL, X, 1754); Valeriae Frontinae ex civitate Caropisso vico Asseridi Valerius Muntanus ex eadem civitate et vico coniugi (CIL, X, 8261).

речь идет лишь об одном. Продажа с ведома города, может быть, происходила при условии отчисления определенной суммы в городскую казну. Известны и другие случаи, когда села были завещаны³¹, аналогичная зависимость сел, вероятно, подразумевается у землемеров, отмечаящих, что «частные лица имеют в сальтусах немалое плебейское население и деревни вокруг виллы»³². Это наводит на мысль о пагах, объединяющих виллы и деревни, и создает удачную модель, поясняющую определение Сервия. Зависимость таких деревень могла выражаться в потере земли жителями и выплатой арендной платы или в ее обработке за долю урожая. При этом крестьяне могли сохранять общинную организацию, а «Эвбейская речь» предполагает, что они оставались и гражданами *civitas*. При этом продажа деревни означала бы перемену получателя арендной платы. В то же время в археологической литературе высказано мнение, что нет никакого критерия, позволяющего доказать, что группа хижин, находящихся недалеко от виллы, принадлежала зависимым от ее владельца лицам³³.

«Эвбейская речь» — один из немногих литературных источников о крестьянском быте, еще плохо известном, и поэтому заслуживает внимательного рассмотрения, хотя с этой целью она практически не исследовалась, возможно, потому, что настораживал характер художественного произведения, оставлявший мало надежды на достоверность. Попытки использовать на первый взгляд аналогичный источник, «Георгики» Вергилия, встретили возражения, основывающиеся на том, что автор, адресовав сочинение умственной элите своей эпохи, «так смешал подробности крестьянского и рабовладельческого быта на фоне общеобязательных наставлений, что извлечь из его поэмы конкретные данные вряд ли возможно»³⁴. Художественно-публицистическое произведение Диона тоже не является точным панорамным снимком действительности, но оно, вероятно, отразило вместе с воззрениями автора и наиболее волнующие вопросы своего времени. Замечание, что крестьяне раньше пасли скот у землевладельца, убитого за свое богатство по приказу императора, должно было напомнить римскому читателю мрачные страницы истории I в., периоды массовых конфискаций. Дион не случайно решил напомнить об этом, так как сам был изгнан из Италии при Домициане. Применяя определение Исидора, можно было бы принять группу из нескольких хижин за деревню, но Дион подчеркивает, что люди, о которых он говорит, живут вне деревни, поэтому более подходящим для такой ситуации, случись она в Италии, а не на Эвбее или будь описана римлянином, кажется приведенное Фестом определение сальтуса у Элия Галла, как места, «где есть леса и пастбища, ради чего также построены и дома; в случае если какой-нибудь участок в этом сальтусе распахивается пастухами или сторожами, то это не мешает называть его сальтусом, так же как не мешает называть помещьем участок, который находится на распахиваемом поле и поэтому имеет постройку, то обстоятельство, что в какой-либо части этого участка есть лес» (*Saltus est, ubi silvae et pastiones sunt, quarum causa casae quoque: si qua particula in eo saltu pastorum aut custodum causa aratur, ea res non peremit nomen saltui(s); non magis, quam fundi, qui est in agro culto, et eius causa habet aedificium, si qua particula in eo habet silvam.* — *Ael. Gall. ap. Fest., 392—393 L.*). Вероятно, главным отличием, не позволявшим римлянам называть эту группу из нескольких жилищ деревней, была их малочисленность.

Вводя в биографию своих героев период, когда они жили за счет обработки конфискованных, отошедших в собственность государства и заброшенных земель, о чем в городе долгое время никто ничего не знал, он

³¹ Штаерман. К вопросу..., с. 104.

³² Beadouin E. Les grands domaines dans l'Empire romain. P., 1899, p. 23.

³³ Percival J. The Roman villa. An Historical Introduction. Berkeley, 1976, p. 19.

³⁴ Сергеев М. Е. «Георгики» Вергилия как трактат по сельскому хозяйству. — ВДИ, 1974, № 3, с. 154.

создает повод для включения в дальнейшее повествование речей, осуждающих отсутствие контроля за общественными землями, рекомендующих при обсуждении этого факта в собрании наилучшие способы их эксплуатации, при настоящем положении не приносящей заметной пользы. Если согласиться с предполагаемой Дунканом-Джонсоном³⁵ трактовкой земель Велейской таблицы, отмечаемых словами *deducto vectigal*, в качестве сдававшихся в аренду местных общественных земель, то окажется, что остальные общественные земли Велейи, оговариваемые особо, лежали в запустении, т. е. существовала как раз та ситуация, о которой писал Дион Христом. О правильной оценке Дионом состояния этих земель говорит то, что через несколько десятилетий меры, принятые Пертинаксом (*Herodian*, II, 4, 6), явились как бы буквальной претворением в жизнь призывов из «Эвбейской речи». «Пертинакс, придя к власти, позволил занимать всякому в Италии и прочих странах сколько кто хочет и может неводеланной и вообще совсем необработанной земли, хотя бы она и была собственностью императора, а, проявив заботу и возделав ее, стать ее хозяином. Возделывающим землю он даровал освобождение от всех податей на 10 лет и навеки беспрепятственное владение. Он запретил обозначать его именем императорские владения, сказав, что они являются не частной собственностью царствующего, а общей и народной собственностью римской державы» (пер. А. И. Доватура. — ВДИ, 1972, № 2, с. 187). Оратор же Диона говорил, что никакого проступка не совершают те, кто обрабатывает пустующие земли (33), что гневаться надо не на тех, кто засеивает и заселяет общественные земли, а на тех, кто их губит, поскольку две трети земельных угодий города лежат в запустении из-за небрежности и безлюдья (34), он предлагал побудить как можно большее число богатых и бедных граждан брать общественную землю, кто сколько сможет обработать (36), в течение 10 лет позволить им владеть землей безвозмездно, а потом требовать в казну незначительную долю урожая, с чужеземца не брать платы пять лет, а потом взимать в два раза больше, чем с граждан, если же чужеземец обработает 200 плэфров, то даровать ему гражданские права (37).

Отраженные в надписях факты владения деревнями имеют отголосок и в «Эвбейской речи», когда на восклицание одного оратора, откуда «у них такие богатые поля, вернее, даже целые деревни и такое множество стад, упряжек и рабов» (31), отвечают, что ни деревень, ни стад у них нет (42).

В то же время обрисованные Дионом крестьяне были символом предельной бедности, нужным для противопоставления погрязшему в пороках и роскоши городу, демонстрации, что даже не имеющие ничего обладают нравственным достоинством. Более аскетический и далекий от римской цивилизации образ жизни он мог бы найти лишь на далекой периферии государства. При сравнении созданной им и, на первый взгляд, правдоподобной картины с материалами археологических раскопок, можно заметить, что на самом деле он, вероятно, тщательно отсеял все лишнее и даже из обиходных мелочей оставил только предел необходимого.

Археологические раскопки, проведенные на севере Италии и в провинциях, дали орудия и бытовые предметы. Глиняные сосуды типичны для каждого *vicus*, в Канту встречены предметы из металла и стекла, галльская фибула³⁶, в Черменате обнаружено лезвие ножа, железные ножницы³⁷, на месте *vicus* в районе Локарно — стекло, железные изделия, фибулы, железный меч в бронзовых ножнах галльского типа, шило, ложка, глиняная статуэтка Фортуны, бронзовая статуэтка Минервы³⁸. В *vicus Sebuinus* — стекло, амфоры, глиняные сосуды с рельефными изоб-

³⁵ *Duncan-Jones R. P. Some Configurations of Landholding in the Roman Empire.* — In: *Studies in Roman property.* Cambr., 1976, p. 9.

³⁶ *Lombardia romana...*, v. 2, p. 170.

³⁷ *Ibid.*, p. 175.

³⁸ *Ibid.*, p. 300.

ражениями и надписями³⁹, лишний раз свидетельствующими о грамотности, известной по многочисленным эпиграфическим находкам. Значит ли это, что в деревнях были школы? Хотя есть некоторые данные, предостерегающие против безоговорочного утверждения о поголовном распространении грамотности в деревнях, но, вероятно, будет справедливо возразить, что они с трудом применимы к Италии эпохи Ранней империи. Вегеций подчеркивает, что в легионах существует множество должностей, для которых необходимы грамотные воины, поэтому, выбирая новобранцев, следует принимать в расчет не только крепость тела и бодрость духа, но иногда и знание грамоты, умение проводить расчеты (II, 19). Ясно, что он имел в виду деревни, так как считал лучшими новобранцев, происходящих из них, но мог подразумевать далекие провинции и варваров. Известно, что в селах могли обучать детей грамоте (*magistri, qui pueros primas litteras docent in vicis* — Dig. L, 5, 2, 8).

Археологический материал из деревень содержит предметы, которые показались бы почти сказочным богатством для крестьян Диона и невысказанными для сельских жителей, если за стандарт их жизни принять уровень, отраженный в «Эвбейской речи». Значит, в этом пункте для воссоздания типичной картины надо делать поправки, на которые намекает сам Дион, замечая, что в деревне жизнь не настолько бедная, поскольку его герои выдали туда дочь замуж за богатого (68). Налицо имущественное расслоение, торговые связи, проникновение товарно-денежных отношений, т. е. то, что обусловлено самим положением некоторых сел на перекрестках дорог. Надписи упоминают общественные сооружения (*vicani quorum aedificia sunt* — CIL, X, 4830, 4831—24 г. до н. э.), предоставление крупным селам городского статуса, когда в них мог быть даже театр⁴⁰. Возможно, были культовые постройки и термы⁴¹, о присутствии последних в селе сообщает также Плиний Младший (Ер. II, 17, 26), упомянутые для Галлии портик (CIL, XIII, 2493), ограда (CIL, XIII, 6329), некое помещение (CIL, XIII, 5864) могут быть вполне типичными и для Италии. В представлении римлян село было настолько тесно связано с дорогой, что считалось возможным этимологически связать с понятием «дорога» и само слово *vicus* (*vel quod vias habeat* — Isid., Etymol. XV, 2). Ливий явно отмечает придорожное расположение одного из упомянутых сел (*in agrum latiorems evecti omnia propinqua viae tecta incidunt* — Liv., XXXV, 11). Села часто указаны на дорогах по данным итинерариев, центром местных дорог был *vicus* в районе Локарно⁴². Характерно название одного села *Mendicoleius*⁴³ (ср. *mendiculus* — «нищенский»).

В *Sebuinus vicus* обнаружены цветные стекла, фрагменты бронзовых треножников с изображениями женщины и лапы льва⁴⁴, на месте *vicus* в районе Локарно — бронзовая жертвенная чаша, отделанная серебром и украшенная изображениями птиц и фавнов, бронзовый сосуд чеканной работы, ценные художественные изделия из стекла, бронзы, золота, серебра⁴⁵. Поскольку у крестьян Диона нет никаких денег (21), они практически ведут натуральное хозяйство, питаются плодами своего труда, ничего не покупая и не продавая, такие изделия несомненно свидетельствуют об имущественном расслоении. Уже высказывалось мнение о более или менее ограниченных, но бесспорных связях крестьян с рынком, когда покупались некоторые орудия труда, деньги были нужны для расплаты с поденщиками⁴⁶. Оно представляется несомненным и может быть

³⁹ Ibid., p. 73.

⁴⁰ Percival. Op. cit., p. 128.

⁴¹ Lombardia romana..., v. 2, p. 67, 302.

⁴² Ibid., p. 302.

⁴³ Nissen H. Italische Landeskunde, 2. B., 2. Ht. B., 1902, S. 1003.

⁴⁴ Lombardia romana..., v. 2, p. 73.

⁴⁵ Ibid., p. 300.

⁴⁶ Кузицин. Крестьянское хозяйство..., с. 51.

наглядно проиллюстрировано. Именно денежная оплата сельских батраков и других типичных для сельской местности работников (тележник, кузнец, пастух, работник, стригущий овец) отмечена в Эдикте Диоклетиана о ценах.

Во II в. в Италии дневная порция сена для мула стоила 0,5 сест. (CIL, IX, 2689), фунт гусиных перьев — 20 сест. (Plin., NH, X, 54). На основании найденной в Помпеях надписи (CIL, IV, 5380), сообщающей о тратах в течение девяти дней с указанием стоимости отдельных продуктов и других покупок на каждый день, было подсчитано, что прожиточный минимум семьи из трех человек мог составлять 2160 сест. в год при трате на самое скромное питание двух сестерциев в день⁴⁷. Вероятно, в деревне бюджет был в среднем по крайней мере в несколько раз меньше, поскольку не было упомянутых Дионом обязательных в больших и малых городах даже для бедняков трат на наем жилья, покупку одежды, хозяйственной утвари, хлеба, дров, всего, кроме воды (105). Делая эту оговорку, Дион как бы вынужден признать, что обрисованная им жизнь без денег возможна лишь в глухом уединенном уголке. Анализ ситуации, типичной для большинства деревень, противоречит данной им картине крестьянского быта и лишней раз подчеркивает, почему он не смог поместить своих героев в деревню, поселив их в отдельном хуторе.

В пользу распространения товарно-денежных отношений говорит размер сумм, которые можно было приобрести от продажи домашних животных, а соответственно и потенциальный размер сбережений для их покупки. Разброс стоимости домашних животных, сообщаемой в надписях, объясняется тем, что речь идет о разных частях Римской империи с хронологическими колебаниями в сто-двести лет. В 15 г. в Помпеях мул стоил 520 сест. (CIL, IV, 3340), в 202 г. в Африке — 1600 сест. (CIL, VIII, 4508). В I или начале II в. в Германии бык стоил 115 сест.⁴⁸, а по упомянутой надписи из Африки — 533 сест. В Дакии середины II в. ягненок стоил 14 сест., поросенок — 20 (CIL, III, TC 15), а в Африке поросенок, гусь, ягненок и козленок — по 133 сест. (CIL, VIII, 4508). Другим вероятным показателем наличия у крестьян денег может быть стоимость погребений, в первую очередь самых дешевых. В очень редких случаях они находились в пределах 100—500 сест.⁴⁹, и не исключено, что часть таких погребений принадлежала крестьянам, тем более, что иногда эпитафические памятники из сел являются эпитафиями. Как правило, цена погребения была в несколько раз выше.

Помимо этих свидетельств о распространении товарно-денежных отношений, которые можно считать хотя и красноречивыми, но косвенными, есть и прямые — это типичные для сел находки многочисленных монет и целых кладов. В Канту найдены серебряные монеты II в. до н. э., бронзовая монета Максенция⁵⁰, в Cermenate — бронзовая монета Веспасиана⁵¹, в vicus Sebuinus — клад золотых монет в глиняных сосудах, от которого сохранились лишь две маленькие золотые монеты императора Зенона, были отдельные находки монет времени от Августа до Константина Великого, бронзовых монет Августа, Германика, Антонина Пия⁵². На месте vicus в районе Локарно в 1564 г. обнаружен клад из тысячи монет с изображениями императоров, серебряные и бронзовые монеты найдены в некрополях, были и единичные находки⁵³.

О степени имущественного расслоения в деревнях говорят материалы некрополей, в которых найдено большинство из упоминавшихся ценных

⁴⁷ Etienne R. La vie quotidienne à Pompei. P., 1966, p. 188, 232.

⁴⁸ Fontes iuris romani anteiustiniani, t. 3, Florentiae, 1943, p. 137.

⁴⁹ Duncan-Jones R. The Economy of the Roman Empire. Camb., 1974, p. 127.

⁵⁰ Lombardia romana..., v. 2, p. 170.

⁵¹ Ibid., p. 175.

⁵² Ibid., p. 74—95.

⁵³ Ibid., p. 302—323.

художественных предметов, золотых и серебряных вещей, несмотря на то, что в Риме захоронение золота было запрещено еще по законам XII Таблиц. Погребения разделяются на богатые, в одном из которых найдено 16 подобных предметов, в самом богатом — 35, и бедные, содержащие одни глиняные чаши. Целые некрополи, насчитывающие 27, 40, 91 и 100 погребений, отличаются особо ценным инвентарем, что позволяет предполагать отдельное захоронение представителей богатых родов.

В. В. Федотов

THE ITALIAN VICUS

V. V. Fedotov

The author discusses various problems attending the study of the Italian village. Starting from the ancient idea that villages were not fortified and from archaeological studies of Iron Age culture in Europe, the author raises the question as to whether the village always remained the type of settlement the city had once been. The future *civitas* may have acquired special characteristics at a rather early stage. Might not some villages have been offshoots of the *civitas*? In Italy the environs of a city were populated throughout Roman history, the people living mainly in villages. The estimated relatively large size of this extra-mural population at the beginning of our era was probably still larger in earlier times; otherwise it must be shown that there was a big increase at the end of the Republic. Under the Empire the villages were the most probable preservers of communal organisation, in view of the fact that, though villages and *pagi* had similar characteristics, the evidence of a *pagus* community may be overlaid by indications of other institutions. The greater simplicity of the village social organisation as compared with that of the *pagus* suggests — despite the fragmentary nature of the sources — that the village usually stood on *pagus* territory, that its population was smaller and the demands made on it, since they had no relation to estate-owners, were simpler than those made on the *pagus*. It may be assumed that there was a village council. The *Euboïca* of Dio Chrysostom, which was designed to promote its author's philosophical ideas, does reflect the most apifnful agrarian problems of his time, but paints too meagre and primitive a picture of village life, as is shown by the archaeological evidence relating to Italian villages of the same period. These data indicate property stratification and extensive commodity-money relations; no wonder Dio's heroes occupy individual farmsteads outside the village.
